

— В... в моей комнате... — тяжело дыша, подбежал сзади управляющий Цзи. С полной горечи миной он запричитал: — Мы честно не смели присвоить серебро молодого хозяина! Просто тогда случилась беда, и мы попросили у семьи Цуй деньги на оборот. Зять сперва пообещал дать средства, но когда мы пришли в бухгалтерию, нам не только не выдали ни медяка, а еще и обвинили в том, что мы уже забрали деньги и пытаемся снова выманить средства семьи Цуй! Едва в уездное управление не сдали! Мы с сыном только от безысходности и сдали этот двор в аренду!

Такое... и правда вполне было во духе семьи Цуй. Цуй Се не стал ни подтверждать, ни опровергать его слова, лишь спросил:

— А приказчики из лавки где?

Управляющий Цзи промямлил:

— Торговля шла плохо, даром кормить их мы не могли... Вот я, никчемный старик, и взял на себя смелость распустить их, чтобы они сами искали заработок на стороне.

Цуй Се кивнул и, глядя на него, спросил:

— Сколько всего было приказчиков и сколько резчиков по дереву? Можно ли их созвать обратно?

— У нас все люди были наняты еще в лучшие времена: один старый счетовод, двое старших приказчиков, пятеро резчиков, двое печатников и четверо разнорабочих. Но у них ведь тоже семьи, кормить надо... День не поработают — и кашу сварить не из чего... — Управляющий Цзи говорил все тише и тише, вместе со своим сыном, приказчиком Цзи, в страхе поглядывая на Цуй Се.

Тот же сохранял безучастное выражение лица, не выражая ни гнева, ни радости. От этой невозмутимости у окружающих становилось еще беспокойнее на душе. Даже две дамы перестали тузить и бранить друг друга и тайком поглядывали на него со спины.

Ван Сянчжэнь не выдержал такой атмосферы. Заметив, что в руках у Цуй Се больше нет меча и он не похож на того, кто готов убивать, он, набравшись храбрости, подошел ближе и шепнул:

— Может, я одолжу тебе другой двор? У меня в Сянгуанях есть тихий уединенный дворик. Просто здесь, при книжной лавке, уж больно удачное место, мне отсюда ходить куда удобнее, да и сестрица Юэ привыкла к этому дому...

Повернув голову, он увидел свою любимицу с окровавленным лицом и законную супругу, смотрящую на него тигриным взглядом. Ван Сянчжэнь сразу почувствовал, что его слова звучат как-то неубедительно и боязливо.

Цуй Се даже не взглянул на него и холодно произнес:

— Это не касается молодого господина. Раз вы заплатили за дом, то вполне можете продолжать жить здесь. Раз уж сегодня здесь собрались старшина общины, его помощник, староста и соседи, я попрошу всех вас стать свидетелями. Приказчик Цзи, иди и найди всех работников лавки. Спроси, кто хочет работать на меня. Отныне я обеспечиваю их едой, одеждой и жильем, буду выплачивать жалованье каждый месяц, но взамен мы переподпишем договор.

На самом деле Цуй Се собирался заставить их подписать соглашение о неразглашении.

Цветная печать и сборный набор не требовали каких-то невероятных технологий, однако в раннюю эпоху Мин до этого действительно еще никто не додумался. Если не связать мастеров договором, то стоило ему сегодня рассказать им, как собирать печатные формы и передавать оттенки, тончайшие переходы и штриховку, как уже через пару дней вся провинция Чжили заполнилась бы цветными книгами.

Управляющий Цзи с сыном быстро собрали всех мастеров обратно в лавку для переоформления соглашений. Несколько ремесленников опасались, что их заставят продаться в рабство, и с тревогой поглядывали на него. Однако, вспомнив, что проработали в этой лавке много лет и их дети выросли здесь же, они так и не решились ничего сказать и покорно приняли бумаги.

К их удивлению, это оказалась не купчая на людей, а лишь долгосрочный трудовой договор и соглашение о неразглашении, запрещающее передавать печатные технологии лавки третьим лицам.

Мастерам запрещалось передавать мастерство другим книжным лавкам не только во время работы, но и после увольнения. Лавка обязывалась выплачивать им ежегодное вознаграждение за сохранение тайны, однако в случае нарушения запрета виновного ждало разбирательство в уездном управлении.

Такие договоры они подписывали без малейшего страха. За долгие годы в книгопечатании они знали, что резчицкое мастерство везде одинаковое: что умеют они, то умеют и другие. А если они и впрямь научатся какому-то новому ремеслу, то сами будут беречь его как зеницу ока, чтобы передать своим детям и внукам на пропитание.

Управляющий Цзи и приказчик Цзи без лишних слов взяли за кисти и поставили свои подписи. Глядя на их пример, остальные приказчики и мастера со спокойной душой тоже подписали бумаги. Старшина общины, его помощник и староста подмахнули документы как свидетели, забрали стопку бумаг и приготовились отнести их в уездное управление для заверения печатями и регистрации.

Цуй Се бросил взгляд на небо — дело шло к вечеру — и велел Цуй Юаню заказать в трактире угощение для посредников. Затем он спросил мастеров:

— Вы подрабатываете на стороне? Когда сможете закончить?

Несколько резчиков и печатников взяли работу у других книжных лавок и должны были трудиться еще четыре-пять дней; счетовод помогал вести книги в небольшой винокурне и закончит только через полмесяца, а двое приказчиков так и выходили на работу в лавку каждый день.

Управляющий Цзи осторожно следил за выражением его лица, но Цуй Се оставался совершенно спокойным, и угадать его мысли было невозможно.

Управляющий Цзи хотел заступиться за работников и попросить хозяина дать им несколько дней, чтобы они смогли получить заработанные деньги. Но не успел он и рта открыть, как Цуй Се произнес:

— Сколько дней осталось, столько и дорабатывайте. Раз этот двор уже сдан семье Ван, соберите инструмент для резьбы по дереву и перенесите в мой двор. Как закончите с чужими заказами, найдите чистую свободную комнату в заднем флигеле и работайте там. Если кому-то

негде жить, тоже можете перебраться туда.

Рабочие были в полном восторге. Один из разнорабочих, у которого не было семьи, тут же изъявил желание переехать. Управляющий Цзи все еще пребывал в страхе и с запинкой спросил, как хозяин намеревается поступить с ним и его сыном. Цуй Се мельком оглядел его и загадочно ответил:

— Пока запишем за вами долг. Посмотрим, когда будем сводить счета в конце года.

Лишь бы их не отправили в уездное управление — отец с сыном уже считали это невероятным счастьем. Тысячекратно поблагодарив его, они ушли и первым делом вымыли лавку до блеска, твердо решив отныне работать изо всех сил, чтобы хозяин простил им их вину.

Семья Ван, устроившая такую бурю в заднем дворе, тоже никуда не ушла. Уважаемый господин Ван под предлогом участия в качестве свидетеля вырвался из рук двух своих прелестных жен и наложниц и просидел с ними полдня с разукрашенным синяками и ссадинами лицом — и ведь хватило же у него терпения!

Когда Цуй Се отпустил работников и пригласил посредников в залу пить вино, тот размял поясницу, поднялся и с улыбкой проговорил:

— Праведник Цуй — настоящий человек с широкой душой! Я-то думал, раз твои слуги сдали двор за твоей спиной, ты как минимум отдашь управляющего под суд в уездное управление и заберешь двор при книжной лавке обратно. Не зря же я сидел тут с таким лицом — боялся, что ты заберешь дом, и собирался спорить с тобой по справедливости. Не ожидал, что ты окажешься столь разумным человеком.

«Какое еще забрать дом? Где я возьму сотню лянов серебра, чтобы выплатить ему неустойку?»

«Раз эти мастера и приказчики до сих пор не разбежались, значит, они образцово верные сотрудники. Пусть себе арендуют двор. Еще Председатель учил нас: „Сохранишь людей и потеряешь землю — сохранишь и людей, и землю; сохранишь землю и потеряешь людей — потеряешь и людей, и землю“. Цуй Се и сам в прошлой жизни успел подписать трёхстороннее соглашение и почти стал дипломированным библиотекарем — как он смеет не следовать по стопам Великого Человека?»

В конце концов, в старой усадьбе семьи Цуй есть небольшой задний дворик и двухэтажный флигель, выходящий на улицу — этого более чем достаточно под мастерские и общежитие для рабочих. Незачем тратить деньги из-за этого двора.

Цуй Се с улыбкой ответил:

— Раз молодой господин в свое время заплатил деньги и тем самым спас моих работников и двор, то этому месту само собой надлежит оставаться за вами. Я еще даже не успел поблагодарить вас. В то время я не знал, что книжную лавку затопило. Знай я раньше, давно пришел бы засвидетельствовать почтение и поблагодарить молодого господина Вана за его доброту и помощь.

Уважаемый господин Ван ошеломленно улыбнулся — от этого царапина в уголке его губ едва не лопнула, и он снова прошипел от боли. Схватив Цуй Се за руку, он заговорил:

— Мы же с тобой удалые храбрецы, к чему уподобляться этим кислым книжникам с их постоянными «молодой господин» да «господин»! Я вижу, ты на несколько лет младше меня,

так что зови меня братом Ваном, а я с твоего позволения буду звать тебя братом Цуй!

Цуй Се вежливо возразил:

— Не смею, не смею... Я ведь всего лишь книжник...

— Тогда ты непростой книжник! — молодой господин Ван со всей силы хлопнул его по плечу. Не сиди Цуй Се прямо как натянутая струна, он наверняка полетел бы на пол. — Я только что заметил у тебя на плече такой свирепый длинный шрам! Подобные раны бывают только у тех храбрецов, что видали настоящую кровь. Я всю жизнь душой радею за соратников-воинов. Как-нибудь загляни ко мне домой: у меня огромный плац для состязаний, роговые луки на несколько натяжений, отличные кони из-за границы! Хочешь конную стрельбу, хочешь поединок на мечях — я во всем составлю тебе компанию!

«...Спасибо, лет через двадцать тренировок у себя дома обязательно сойду с тобой в бою».

Цуй Се только собирался отказаться, как в его голове мелькнула мысль. Переведя взгляд на его сине-багровое распухшее лицо, он спросил:

— Брат Ван и впрямь владеет боевыми искусствами? — «Тогда как же ты позволил двум хрупким женщинам избить себя до такого состояния?»

<http://bllate.org/book/18372/1761260>